

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Из страны, вроде бы встающей с колен; страны, где законом стало беззаконие; страны, в которой православие не знает милосердия, а золотой нательный крест на толстой золотой цепи говорит не о набожности своего обладателя, а о толщине его бумажника, - так вот, из поездки в эту самую страну вернулись к себе домой, во французский город Сент-Женевьев-де-Буа, супруги Вербицкие.

Георгий Всеволодович всю жизнь прожил во Франции, Ольга Ростиславовна в прошлом - коренная москвичка. Двое немалых людей, объединенных не только судьбой, но и высокой идеей. О некоторых обстоятельствах, которые сопутствовали воплощению этой идеи, мы и беседуем.

- На сайте газеты «Новгородские ведомости» я прочитал, что вы «...на свои средства и при непосредственном участии восстанавливали из руин приусадебный храм Святой великомученицы Екатерины в селе Ровное-Благодатное Боровичского района». Дело благородное, но мне хотелось бы знать, почему именно вы, почему именно храм и почему на свои кровные?

Георгий Вербицкий: Ответим по порядку. В этом селе когда-то находилось имение моей прабабушки, помещицы Христины Антоновны Бергштейн, здесь родилась моя мама Вера Николаевна Никушкина. Имение мы нашли разрушенным, хотя там, к счастью, еще что-то осталось.

- Например?..

Ольга Сидельникова-Вербицкая: Например, развалины усадьбы екатерининских времен. Это имение императрица Екатерина подарила своему последнему фавориту Платону Зубову, а тот поселил в нем свою сестру Ольгу Жеребцову. Разваленная оказалась также приусадебная церковь Святой Великомученицы Екатерины. Правда, понять, что это церковь, нам удалось не сразу: стоит коробка, без купола, без колоколов. Мы открыли двери, вошли внутрь - и тут у мужа буквально ноги подкосились!..

Г. В.: Попали в самый разгар танцулек: гремела рок-музыка, горел яркий свет. Внизу молодежная дискотека, наверху - бар, бильярдная. А еще раньше здесь был склад. Нам рассказали, что в годы горбачевской перестройки кто-то подал идею восстановить церковь, но местные жители проголосовали за дискотеку. Одна старушка была против, так ее никто не слушал.

- О причинах, по которым ваши, Георгий Всеволодович, предки покинули эти места, я догадываюсь...

- Действительно, эти причины известны еще с 1917 года. В обеих семьях - со стороны матери и со стороны отца - были военные. Дед по материнской линии - генерал-майор саперных войск Николай Павлович Никушкин; отец Всеволод Николаевич Вербицкий - кавалерист, воевал в Галиции. В 1917 году большевики хотели его расстрелять, как поступали с другими офицерами, но солдаты, которыми он командовал, за него вступились, заявив, что ротмистр Вербицкий относился к ним очень хорошо, и его отпустили. Отец вступил в Белое движение, после поражения в Гражданской войне вместе с остатками Русской армии барона Врангеля эвакуировался в Галиполи, попал на сербско-албанскую границу, служил пограничником, после демобилизации очутился в македонском городе Скопье. Позднее там собралась вся его семья:

У входа в часовню памяти царственных мучеников.

НА РАЗВАЛИНАХ ЖИЗНИ

Георгий и Ольга ВЕРБИЦКИЕ: "С надеждой следуем заповеди: делай что должно, и будь что будет..."

мать, Елена Михайловна Вербицкая, урожденная Лермонтова, и двое сестер, Тамара и Инна. Туда же приехал отец, полковник Николай Васильевич Вербицкий, также воевавший в Белой армии.

- Вы сказали - урожденная Лермонтова? Кем она приходилась поэту?

- Правнучатой племянницей. А вот я так и не смог запомнить, кем ему прихожусь. Во всяком случае, мы от лермонтовской линии приходим. Моя мать с родителями тоже оказалась в Скопье. Чтобы помочь семье, она зарабатывала игрой на фортепьяно в немом кино. Молодой капитан Вербицкий ходил смотреть фильмы, обратил внимание на симпатичную тапершу. Они познакомились, поженились. А в 1925 году, получив разрешение, все семейство перебралось во Францию...

О. С.-В.: ...где спустя два года ты родился.

Г. В.: Да, в двадцать седьмом. Отец окончил курсы шоферов, устроился таксистом, как и многие его товарищи по несчастью, которые гражданской специальности не имели, думая всю жизнь провести на военной службе. Мое детство, отрочество и юность прошли в Медоне, это недалеко от Парижа, там образовалась большая русская колония таких же, как мы, беженцев.

О. С.-В.: Алла Михайловна Лермонтова, сестра Елены Михайловны, осталась в Крыму. Семья уехала, а ей это не удалось. Молодая женщина двадцати семи лет, двое малых сыновей, муж, военный прокурор, находился далеко, ее никто не организовал к отъезду. Мы думали, что она тогда же была расстреляна, оказалось, ее вначале отправили на Соловки и уже там расстреляли. Оба малолетних сына стали беспризорниками, долго бродили по Крыму,

пока их не нашел через Красный крест отец, но от ужасов пережитого они никогда не избавились. Все, что там творилось, еще ждет своих правдивых историков.

- Вы, Ольга Ростиславовна, уже выразили свое отношение к тем событиям. Имею в виду вышедшую в Москве вашу книгу «На что душа моя оглянется»...

- Это была попытка через историю двух семей, моей и Георгия

Сидельников. Сын генерала царской армии, выпускник Алексеевского кадетского училища, он оказался в числе тех, кто после большевистского переворота не смог уехать из Крыма и старался жить, не показывая свое прошлое, работал школьным учителем биологии. В сорок первом году, почти сорокалетним, пошел добровольцем на войну, очень быстро стал капитаном артиллерии, попал на Волховский фронт, в ар-

мию, которой командовал генерал Власов. У поселка Мясной Бор его батальон был уничтожен до последнего бойца. Папа чудом остался жив. Он во время прорыва свалился в блиндаж, где немец раненый лежал, и папа ему оказал первую помощь. Когда пришли другие немцы, солдат им сказал, что русский капитан его спас. Оказавшись в плену, папа вновь попал в армию Власова, на сей раз - в Русскую освободительную, ни одной минуты об этом не жалел и предательством не считал.

- Чтобы во времена Сталина прослыть предателем, не обязательно быть власовцем - достаточно было тяжело раненым попасть в плен. Но продолжайте, я слушаю вас.

- Американские оккупационные власти на территории побежденной Германии вывозили в крытых грузовиках русских пленных, чтобы по условиям Ялтинского соглашения передать их советским военным властям. Водитель одного такого грузовика, в котором вместе с другими пленными находился мой отец, свернул в лес и всех выпустил: идите, куда хотите. Он знал, что как только доставит этих людей на место, энкаведэшники их расстреляют, и не захотел даже косвенно быть причастным к этому преступлению. Отец после нескольких лет странствий оказался во Франции. О том, что он жив, я узнала уже 25-летней: от него пришло письмо. Нас долго к нему не выпускали. И не выпустили бы, не окажись Камилл таким настойчивым и бесстрашным: он обошел все инстанции, стучал кулаком по столу, говорил, что если дочери не разрешают повидеть отца, это произвол и нарушение прав человека. Годы в лагере сделали его почти слепым, у него оставался всего один процент

Суд любви... Впервые слышу о таком. Это он вас подвиг на восстановление церкви в Ровном?

- Начало всему положила встреча с Георгием Вербицким: она была не случайной. Верю, что Господь свел нас. Георгий Всеволодович знал моего папу, был знаком с моим первым мужем Камиллом Икрамовым...

- Поясним нашим читателям: Камилл Икрамов - известный журналист и писатель, узбек, писавший по-русски...

- А он и был русским писателем. По-моему, узбекского языка не знал. Его отец Акмаль Икрамов, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана, проходил по «делу Бухарина», в 1938 году расстрелян; мать, замнаркома земледелия Узбекистана Евгения Львовна Зелькина, тогда же была арестована и посажена в лагерь, где и умерла. Камилл жил у бабушки в Москве, когда его, шестнадцатилетнего, арестовали, обвинили в «антисоветской агитации и пропаганде», бросили в лагерь. Отбыв первый срок, вскорости получил второй. В общей сложности он отсидел двенадцать лет.

- Знакомая с вашей биографией, я узнал, что вы надолго были разлучены с отцом...

- Его звали Ростислав Семенович

Сидельников. Сын генерала царской армии, выпускник Алексеевского кадетского училища, он оказался в числе тех, кто после большевистского переворота не смог уехать из Крыма и старался жить, не показывая свое прошлое, работал школьным учителем биологии. В сорок первом году, почти сорокалетним, пошел добровольцем на войну, очень быстро стал капитаном артиллерии, попал на Волховский фронт, в ар-

мии, которой командовал генерал Власов. У поселка Мясной Бор его батальон был уничтожен до последнего бойца. Папа чудом остался жив. Он во время прорыва свалился в блиндаж, где немец раненый лежал, и папа ему оказал первую помощь. Когда пришли другие немцы, солдат им сказал, что русский капитан его спас. Оказавшись в плену, папа вновь попал в армию Власова, на сей раз - в Русскую освободительную, ни одной минуты об этом не жалел и предательством не считал.

О. С.-В.: ...и решили снарядить экспедицию в Россию, отыскать имение предков Георгия Всеволодовича. Я знала, как это ему необходимо. Первый раз он увидел Россию тридцать три года назад: ездил с экскурсией в Москву, попал в группу французских коммунистов. Они, когда узнали, что среди них находится потомок белоэмигрантов, были немало смущены. Видел только то, на что указывал гид: «Посмотрите направо, а теперь налево».

- Иначе и быть не могло: маршрут размечали «компетентные органы». С вами ему было гораздо интереснее.

- О да, у нас получилась настоящая экспедиция! Мы прилетели в Москву, наняли машину с водителем и отправились в путешествие, обратное тому, которое больше чем за двести лет до нас совершил Александр Радищев. Почти весь путь из Москвы в Петербург являл собой живую иллюстрацию к началу радищевской книги: «Я взглянул окрест меня - и душа моя страданиями человеческими уязвлена стала». Хотя шел не 1790-й, а 1999-й год... Мы вели поистине детективные поиски, не располагая никакими сведениями, кроме старых, пожелтевших от времени фотографий, на них еле видны какие-то кружевные зонтики, вода, лодки, дамы в кринолинах. Муж знал только, что поместье Вербицких находилось на озере Пирос, это название он держал в памяти. Наконец, мы туда прибыли и нашли некогда богатейшую усадьбу в ужасающем виде. Муж встал на пороге дома, где жили его предки, увидел большущий зал, в котором когда-то стоял рояль и проходили балы. Кругом валялся битый кирпич, битое стекло, обломки лепнины, торчали остатки печных труб. Наш водитель, увидев, как Георгий Всеволодович растерянно озирается в этих руинах, вдруг засопел, вынул пачку сигарет и сказал, что выйдет покурить...

- А сам, поди, плакать пошел.

- Пошел плакать. Для него это стало уроком истории. Слова - они все вытерпят, к ним привыкаешь, но бывают моменты, когда человек зримо ощущает - что же произошло со страной. Проще всего было от этого ужаса немедленно уехать, вернуться домой, во Францию. Мы этого не сделали.

Г. В.: Зашли в местную мэрию, спросили у какой-то дамы: «Как вы собираетесь поступить с остатками имения?» Она ушла с кем-то советовать, вернулась и говорит: «Можем вам вернуть владения ваших предков, но восстанавливать будете за свой счет». Наших средств хватало только на то, чтобы восстановить церковь...

О. С.-В.: Для этого мы стали каждый год ездить в Ровное-Благодатное. Жили рядом с людьми, ради которых возрождался храм, и выполняли свой долг, какой есть у всякого христианина. Муж не имел «заводов, газет, пароходов», он, пока не вышел на пенсию, работал инженером-

наладчиком в нефтяной компании «Shell», что-то прикопил за жизнь – все это вместе с пенсией он тратил на поездки туда и обратно, на оплату строителям, на наши ошибки с покупкой стройматериалов...

Г. В.: О потраченных деньгах я не жалею. Вся жизнь ждал момента, когда, наконец, встречу с Отчеством. А встретился - и почувствовал, что на старости лет вернулся к себе, в свой край, в свою страну. Эта усадьба и земля, леса и поля – все мне родное, хотя и не мое собственное, я наследник всего, что вижу и что было разрушено...

- ...и взяли помочь потомкам разрушителей восстановить разрушенное...

- А как иначе? Кругом руины! Почему их покидать? Когда в руинах лежит ваш дом, что вы делаете? Строите заново! Я ходил по земле, по которой ходили мои предки. Это очень важно. Меня там называли французом, а я пояснял, что я русский, оба мои родителя русские. Местные жители смотрели на эти руины и ни черта не делали, а мы старались подать пример, чтобы...

О. С.-В.: ...чтобы встал храм!

Г. В.: Потому что самая большая сила на этом свете – вера. Она и строит, и спасает, и помогает победить.

- Спасаться и побеждать в вере можно и во Франции, где на русские православные символы никто не посягает. Вы же зачем-то отправились в Россию. По мне, так передать бы эти деньги на лечение больных детей, их в России вон сколько...

О. С.-В.: Да, проще было отдать деньги детям. Когда нам так говорили, я отвечала, что церковь – святое место, где все могут встретиться со всеми, посмотреть друг на друга. По

«Да там вообще было, будто только вчера война окончилась!»

замыслу этого мира, спастись надо и несчастным детям, и тем, по чьей вине они сделались несчастными. У нас во Франции много сообществ, цель которых – помогать России: клиникам, детям, инвалидам. Правда, мы знаем случаи, когда приходивших с помощью просто выгнали. А нам повезло: в Ровном нас ждали.

- Точно, повезло: на что еще сгодились бы пенсия мужа...

О. С.-В.: Как вам сказать... Ну хорошо, не ездили бы мы через две страны в это село – и что бы делали? Сидели бы в шезлонгах на палубе белоснежного лайнера, в белых одеждах, смотрели на гладь Средиземного моря? А там - церковь порушенная, поруганная, скажут какие-то полупьяные типы. Она для нас была местом, которое болит и живет, мимо которого нельзя пройти спокойно. Восстановить ее – в этом было наше горячее желание. В то же время нам казалось, что кое-кто «культурно» ждал, когда мы, наконец, уедем. Не в том смысле, что «идите

«А теперь над всем этим встал храм под голубым куполом...»

вон, вы нам не нужны», а в том, что «заканчивайте побыстрее и уезжайте». То ли нежелание видеть того, кто делает дело, то ли боязнь, что мы увидим, что происходит в российской глубинке. Нет, без помощи мы не оставались - нам помогал местный житель Олег Осипов, помогали предприниматели: материалы давали, выделяли технику. Но большинство жителей села, для которых все затевалось, в нашу сторону поглядывали с насмешкой: двое ненормальных, француз и его жена, дурака валяют, с жиру бесятся, себя

развлекают. Бывало, подойдут: «Поработать возьмете?» - «Возьмем с удовольствием». - «А сколько платить будете?» - «Нисколько, все во славу Божию. Мы же бесплатно работаем». - «Ну-у, так вы богатые». - «Нет, мы были богатые, а выстроим церковь, оставим вам – и уедем бедные». Татьяна Долотова, глава сельской администрации, которой мы многим обязаны, поехала с нами на кирпичный завод, просить, чтобы нам кирпич продали подешевле, это же для церкви. Мы стоим поблизости и слышим, как ей говорят: «Чего ты жалеешь этих французиков, с них надо побольше содрать». Все было: и дурили нас, и деньги на иконостас украла, так что пришлось платить за него дважды; за проведенный ремонт потребовали двойной оплаты – мы спросили: почему? «Потому что мы сделали хорошо». - «А вы что, вначале хотели сделать плохо?» Вот такая логика. Боже мой, как тяжело нам эта стройка досталась! Как вспомню этих каменщиков-узбеков...

- Простите, почему каменщики – узбеки?

- А больше там никто не работал.

- Среди местного населения – людей русских, православных, будущих прихожан храма - не нашлось человека, умеющего класть кирпич?

- Представьте себе, не нашлось. Отыскался один старичок мастеровой, так его чуть ли не на руках приходилось заносить на стройку. Больше никого не было. Пришлось нанять бригаду. А они по России – все узбекские. Но, знаете, мне бы хотелось вспоминать не о том, как мы восстанавливали храм, а о том, как храм восстанавливал нас, наполняя нашу жизнь новым содержанием. Какая это была духовная подпитка,

свидетелями каких чудес мы стали!

- Про чудеса, если можно, чуть подробнее.

- Они совершаются незаметно, про них рассказывать не очень интересно. Но вот такой пример. Случалось, человек приходил и говорил: «Я хоть в Бога не верю, но вам помогу». Вот это, я считаю, и есть чудо. Весна, мы собрались уезжать - поработали столько времени, хватит, нам уже трудно, - но вспомнили, что поблизости от этого места когда-то стоял монастырь Иоанна Предтечи, он при большевиках был разрушен, кирпич пошел на свинарник, потом и свинарник развалили, и эту мерзость запустения мы застали. Подумали: церковь нашими усилиями встала – пусть еще будет часовня. В канун дня памяти о расстрелянных царственных мучениках часовня была построена и 17 июля - освящена. Про нас говорили: деньги этим французам девать некуда. Но когда крест встал в небо, кто-то сказал: «Теперь все у нас будет хорошо». Ради таких слов разве не стоило потрудиться? Вот мы тут вспоминали про развалины усадьбы. Да там вообще все было, будто только вчера война окончилась! Сплошь развалины!

- Как развалины жизни...

- Вы правы. А теперь над всем этим встал храм под голубым куполом, крест устремлен в небо, дети бегут по улице вечером, а горят только окна в церкви, и это значит, что у них в жизни были не только развалины.

- А если, не дай Бог, отстроенную вами церковь эти же дети, повзрослев, разрушат?

- Допускаем и такое. Но всегда с надеждой следуем заповеди: делай что должно, и будь что будет.